

Эта девушка!

Мисс Цзюнь не могла сдержать смех, наблюдая за уходящей фигурой Старой госпожи Фан.

«Это довольно жалко», сказала она.

Ни одного сына, зато пачка внучек. Ее невестка имела сына, ее семья была гармоничной, она обладала большим богатством, и она была верна своему слову. Но если бы Старая госпожа услышала бы, как слабая, не имеющая семьи и оставленная всеми ее внучка называет ее жалкой, он, вероятно не знала, смеяться ей или плакать.

Лю лишь кивала хозяйке.

«Однажды я подумала, что я самый жалкий человек под этими небесами, но подумав об этом еще раз, я поняла, что на земле есть много куда более жалких людей, чем я», продолжила она, возвращаясь в комнату вместе с Лю: «Если страдают все, то это вовсе и не страдания».

Лю поняла ее слова лишь наполовину, но серьезно кивнула: «Молодая мисс верно говорит».

В любом случае, то что слова мисс Цзюнь верны, было правдой.

Мисс Цзюнь погладила ее по голове.

«Тебе было весело с теневыми марионетками?», спросила она: «Ты научилась с ними играть?»

Лю с энтузиазмом кивнула.

«Это очень весело. Я устрою для мисс спектакль», сказала она. Тут ее голос стал грустным: «Но я никогда раньше не видела спектаклей и поэтому не знаю, как это сделать».

«На фестивале фонарей будет карнавал. Там определённо должен быть спектакль, так что будет хорошо, если ты сможешь его посмотреть», сказала мисс Цзюнь.

«Я правда смогу?», взволнованно спросила Лю.

«Конечно сможешь», сказала мисс Цзюнь.

У нее было много дел, которыми сейчас было сложно заниматься, но отправить служанку на фестиваль, чтобы посмотреть теневую пьесу не было одним из них.

Пока мисс Цзюнь разрешала служанке отправиться на Фестиваль фонарей, Старая госпожа выслушивала такую же просьбу.

«Хочешь посмотреть на фестиваль фонарей?», удивленно спросила она юношу в инвалидной коляске.

Фан Чэньюй кивнул.

«Я помню, что уже однажды видел его, когда был маленьким», у него было нежное выражение лица, он улыбался: «В этом году я чувствую себя лучше, поэтому хочу снова посмотреть фестиваль».

Наверное, для него это был последний шанс.

Фан Чэньюй редко просил о чем-то.

Он заболел, когда ему было пять. Он должен был принимать свое лекарство и следовать строгой диете. Как ребенок, попробовавший деликатесы со всего мира, мог устоять перед вкусной едой?

Но члены семьи не позволяли ему есть то, что ему захочется. Они спрятали все по шкафам, заперли их и запретили ему. У Фан Чэньюй был потрясающий аппетит. Когда он увидел, как у слуги на землю упал кусок пирога, он просто выполз из постели, поднял кусок и съел его. Когда это увидела госпожа Фан она не могла остановить слезы. Она три дня лежала в постели.

С тех пор Фан Чэньюй не доставлял никаких беспокойств. Он ел то, что его позволяли мама и Старая госпожа и делал только то, что они ему позволяли.

Он почти девять лет не выходил из дома, не говоря уже о походах в город или на фестиваль. Он был полностью отрезан от остального мира.

Все из-за того, что он не хотел, чтобы его семье беспокоилась из-за него. Поэтому он ничего не просил, единственное, чего он хотел, так это спокойствия для своей семьи.

Но он все еще был живым человеком. Как человек мог не иметь ни одного желания?

Он многие годы жил под постоянным давлением. Но понимая, что его жизнь подходит к концу, ему хотелось сделать что-то безрассудное.

Старая госпожа Фан видела печаль в его глазах.

«Хорошо», сказала она: «Каждый год наша семья Фан отвечает за фонари на улицах. На этот раз мы сделаем еще один».

Фан Юньсю хлопала в ладоши.

«Отлично!», она немного преувеличивала свой энтузиазм, но затем нахмурилась: «Разве нам не нужно было делать больше фонарей в этом году?»

Казалось, что Фан Юньсю испугалась, что Фан Чэньюй мог чего-то не знать.

«Каждый фестиваль фонарей, члены нашей семьи лично делают фонари», с улыбкой объяснила она.

В начале все веселились, но в конце они должны были прочитать молитву и загадать желание.

Конечно они не могли заставить Фан Чэньюй заниматься этим.

Он кивнул и засмеялся.

«Я знаю. На этот раз я сам попробую сделать один», сказал он.

«Тогда в этот раз мы сделаем много фонарей. Это слишком хорошо!», внезапно сказала Фан Юйсю.

Фестиваль фонарей шел всего десять дней. Все остальные фонари уже были сделаны на заказ.

Даже если бы они украшали другую улицу, проблема была не в том, что им приходилось тратить деньги. Это было не важно. Трудности заключались в том, что им приходилось работать вместе. Хотя все материалы и были приготовлены они все равно тратили на то достаточно много времени.

Все непонимающе смотрели на Фан Юйсю.

«Нам не нужно будет заниматься привычными делами. Мы можем использовать изготовление фонарей в качестве оправдания», сказала Фан Юйсю.

Все в комнате засмеялись.

Старая госпожа Фан улыбнулась, но в ее сердце была горечь.

У ее внучек не было времени на развлечения. Каждый день они работали, чтобы нести тяжелое бремя своей семьи.

«Как хочешь. Это не должно помешать твоей работе», сказала она, делая недовольный вид.

Сказав это, она посмотрела на слуг и махнула им рукой.

«Все будут делать фонари. В этом году семья Фан позаботится о фестивале. Тот, кто сделает лучший фонарь, победит на фестивале. А наградой будет тысяча таэлей серебром».

Когда она сказала это, слуги бешено заметались по комнате.

Целая тысяча таэлей.

В прошлые годы тоже выбирали лучший фонарь, но это была лишь формальность. На этот раз семья Фан давала награду в тысячу таэлей. Раньше в Янчэн ничего подобного не случалось.

Когда об этом услышала Госпожа Фан, она мигом примчалась.

«Мама, это нехорошо», сказала она.

Раньше Госпожа Фан никогда не спорила со Старой госпожой Фан, тем более при свидетелях. Все в комнате замолчали, а слуги поспешно увели молодых девушек.

«Мама, мы можем отправить на охрану дороги еще больше слуг», с тревогой сказал Фан Юйсю.

Больше слуг?

Они даже не знали кто их враг и от кого обороняться. Разве такая охрана может быть полезной?

Госпожа Фан посмотрела на нее, но ничего не сказала. Вместо этого она умоляюще посмотрела на Старую госпожу Фан.

Естественно они думали об одном и том же. Ее выражение лица стало более мрачным.

Фан Чэньюй увидел это и засмеялся.

«Я просто случайно это предложил. Каждый год мы украшаем фонарями и дом. Они ведь такие же, как и на улице», сказал он.

Фан Цзиньсю была очень взволнованна. Фан Юйсю и Фан Юньсю смотрела на Старую госпожу не скрывая мольбы.

Выражение лица Старой госпожи было задумчивым.

«Иди и спроси мисс Цзюнь», внезапно сказала она.

Фан Цзиньсю и остальные были шокированы.

Что это значит?

Не могло же быть, что Старая госпожа Фан нуждалась в одобрении или неодобрении мисс Цзюнь?

Она шутит?

Но очевидно, это не было шуткой. И им не послышалось что ответила ей на это госпожа Фан.

«Ладно, я пойду спрошу ее», сказала она. Не дожидаясь слов остальных, она поспешила прочь.

Фан Цзиньсю и ее сестры были в шоке.

По сравнению с сестрами Фан Чэньюй был спокоен. Прежде чем он опустил взгляд, в его глазах успели сверкнуть слезы презрения.

Когда Госпожа Фан рассказывала мисс Цзюнь о решение Старой госпожи, выражение лица мисс Цзюнь было очень спокойным. Она не выглядела нетерпеливо или восхищенно.

«Конечно можно», сказала она, серьезно подумав.

«Но, если кто-то воспользуется возможностью навредить Чэньюй...», с беспокойством продолжила она.

Если ты исцелишь его от яда, и после этого он погибнет, все это все равно будет напрасно.

Мисс Цзюнь улыбнулась.

«Вам не нужно волноваться. Для этих людей Чэньюй сейчас ходячий труп. Им все равно», сказала она: «Они знают, что чтобы вы не делали ему он едва дотянет до осени. Для них это удовольствие, а не повод для беспокойства»

Должны ли эти слова утешить ее? Эти слова были действительно уродливыми.

Госпожа Фан слегка нахмурилась.